

Роберт Ибатуллин

Диверсия

Лифт застрял на минус седьмом. Свет потускнел. Голубые квадратики кнопок на тачскрине погасли, вместо них выплыла надпись: «Экономьте энергию! Поднимаясь пешком на один этаж, вы спасаете 13 кв. м тропического леса».

– Перезагружается. Какой-то глюк. Сейчас поедем. – Доктор Яман глянул в телефон. – Время у нас есть – ещё без пяти.

– Уже без пяти. – Докторка Хейс поджала губы. Полированный алюминий стен расплывчато отражал её круглое чёрное лицо и тучное тело в лиловом костюме. – Ты не знаешь эту Ши. Она доложит, если мы опоздаем хоть на минуту. Может, вызвать диспетчера?

– Кнопка вызова не работает. – Яман показал на тачскрин, уже с другим текстом: «Уважайте чужое личное пространство! Слишком тесное приближение может психологически травмировать». – Всё-таки лучше бы их оставили механическими.

– Не согласна. Электроника безопаснее. Больше контроля. Такова политика Фонда, и не нам с ней спорить... Ну? Как связаться с диспетчером?

– Сейчас найду. – Яман скроллил список контактов у себя в телефоне. – А насчёт времени не беспокойтесь. Хабиб в любом случае опоздает сильнее. У него намаз. Уж по такому-то поводу даже коллега Ши не посмеет...

– Ты что, не читал мою рассылку? В этом кейсе Хабиб не участвует. – Хейс разглядывала свои ногти, покрытые золотым лаком. – Мусульмане не проявили интереса. Вместо него какой-то Пери... Пеки... Так и не смогла запомнить фамилию. От церкви «Атомный Мавзолей».

Яман оторвался от телефона.

– Долорес, извините, я действительно не читал. Наверное, попало в спам. И почему замена?

Хейс пожалала плечами.

– Наш объект ведь утверждает, что он... из космоса. – Она изобразила кавычки толстыми пальцами. – Да, скорее всего, просто шпионская легенда, но пока приходится рассматривать её всерьёз. А в этой религии... – Хейс помедлила, подбирая слова. – Придаётся сакральный смысл... всякому такому... космическому.

– «Атомный Мавзолей». Они что, за атомную энергию? И потом... – Яман бегал глазами по экрану. – Я сейчас посмотрел в Фондопедии – это же просто какая-то мелкая русская секта?

Хейс нахмурилась.

– Последний раз напоминаю: читай мои рассылки! Вот ляпнул бы слово «секта» при этом Пери... Пеки... и что тогда? Термин неуместный и оскорбительный. «Мавзолей» – прогрессивное религиозное течение, разделяющее ценности ответственного развития. Довольно влиятельное. Хотя и с трудом выживает в крайне токсичной, реакционной атмосфере современной России. Фонд их поддерживает... – Свет загорелся ярче, прозвучала мелодичная трель, тачскрин вновь покрылся квадратиками кнопок. – Ну наконец-то!

– Система управления обновлена, – произнес лифт приятным гендерно-нейтральным голосом. – Извините за доставленные неудобства. Пожалуйста, коснитесь изображения

кнопки нужного этажа... – Яман нажал на «-9». Лифт не поехал. На тачскрине появились красные поля ввода. – Данный этаж – только для сотрудников третьего и выше уровней допуска, – продолжил голос автомата. – Пожалуйста, введите личный номер и пароль.

– Боже, сколько мороки! – Хейс быстро набила цифры. – Так вот, Фонд поддерживает этот «Мавзолей», поэтому и привлёк их человека в нашу комиссию – поднять им статус. Это обсуждалось на Совете по биоэтике и изменению климата. Как видишь, уровень внимания к вопросу довольно высокий.

– Надеюсь, что этот, хм, святой отец не будет нам сильно мешать. – Яман ввёл свой пароль, но ничего не происходило. Под двумя заполненными строками ввода пустела третья. – Господи, этот дурной лифт считает, что нас трое! Не поедет, пока не получит данные третьего человека!

– У тебя лишний вес, – буркнула Хейс. – Занимайся спортом! После гормонов многих разносит, по себе знаю, но я-то за собой слежу! – Она показала на свои бока (по правде сказать, значительно шире, чем у Ямана).

– Однако раньше этого глюка с весом не было. Криворукие кодеры!... Попробую продублировать свои данные в третью строку, вдруг работает?

Лифт несколько секунд переваривал данные трёх пассажиров, два из которых почему-то оказались тождественными, а потом произнёс:

– Чрезвычайная ситуация. Пожалуйста, немедленно покиньте кабину. Спасибо, что воспользовались нашей продукцией! – Открыл двери и снова отключился.

– Идём скорее из этой ловушки! Спустимся по лестнице! – Хейс выскочила в вестибюль. – А насчёт святого отца: что ты имеешь в виду?

– Ну, вдруг он заявит, что наш объект – какая-нибудь реликвия? – Яман придержал перед Хейс тяжёлую дверь на лестницу, повеяло сквозняком. – Потребуется себе?

– А, ты об этом. Не беспокойся. Наши безопасники решительно настроены никому ничего не отдавать, и мы с тобой их поддержим. – Хейс спускалась, тяжело переваливаясь по ступеням. – Если понадобится, проголосуем за то, что объект не космического происхождения. Обычный робот-шпион... ну, просто не вполне обычный. Тем более что скорее всего так и есть.

– Вообще-то я читал техническую экспертизу. Он очень старый, и безусловно побывал в космосе, и...

– Джун, не мне тебя учить, как работать с выводами экспертов. Но! – Хейс подняла палец. – Мы, конечно, должны быть добросовестны. Никакой предвзятости.

Яман вздохнул.

– Ши тоже это понимает?

– Не уверена. – Хейс остановилась на площадке минус восьмого этажа под плакатом «Спасём антилопу гну!», перевела дыхание. – Конечно, она будет блюсти интересы СБ, но, боюсь... не так деликатно, как следовало бы. Между нами, я была против её включения в комиссию.

– Я так и думал. Но почему нам её навязали? Мы так хорошо сработались с Крамером...

– Дело не в личностях. Просто этот человек из «Мавзолея» – белый дис-мужчина, и если бы остался Крамер, возникли бы вопросы... баланса, разнообразия... ты понимаешь. – Хейс отдышалась и зашагала дальше вниз. – Что касается Ши – я лично не имею ничего против неё. Руководство ей довольно, биография безупречная, но знаешь, мелкие детали...

– Например?

– Например, она вызывающе одевается.

Яман поднял брови.

– Да? По-моему, вполне скромно. Деловой костюм...

– Я не говорю, что она одевается неприлично, по-сексистски, типа юбка выше щиколоток и всё такое. Но она вообще носит юбку, при том что она цис. Что она хочет этим сказать? Выпячивает свою биологическую женственность? Типа, я не то что всякие транссы? Конечно, это пока не регламентировано, но сложилась неписаная норма: цис-персоны должны носить юнисекс. Все это понимают, но она делает вид, что нет. По-моему, это маркер скрытой трансфобии, и я намерена поднять вопрос на Совете по чувствительности и регламенту поведения...

Хейс и Яман остановились. Выход с лестницы на минус девятый этаж перегораживала дверь из матового бронестекла. Над дверью мигала красным индикатором камера биометрического контроля. На мониторе сбоку от двери появился строгий эмодзи и надпись: «Смотрите в камеру. Ждите подтверждения идентификации».

– И ещё один факт о коллеге Ши, – продолжила Хейс, подставив лицо камере и официально улыбаясь. – На неё однажды напал мужчина, чёрный, предположительно с целью изнасиловать, и она его застрелила. Насмерть.

– Она носит оружие? – Яман тоже с дежурной улыбкой поднял взгляд в камеру и поправил узел зелёного галстука. – Летальное?

– Как сотрудница СБ имеет право. Пистолет, конечно, был с видеорегиистратором, и суд её оправдал, но согласись – она проявила бесчеловечие и недостаток гражданской ответственности. И – я не исключаю – расизм. Вообще она крайне закрытый, непрозрачный человек. Сильно подозреваю, что не так уж искренне разделяет наши ценности. Работала в проблемных странах, а там легко подхватываешь токсичные идеи... Ну надо же, в кои-то веки камера нас узнала! Идём скорее.

Монитор показывал радостный эмодзи и надписи: «Долорес Амбер Хейс – личность подтверждена. Нагарджун Яман – личность подтверждена». Матовые створки открылись, потянул сквозняк.

– Господи! Чем здесь пахнет? – Хейс поморщилась.

– Не обращайтесь внимания, здесь вечно так. Какие-то проблемы с вентиляцией. Направо, пожалуйста. Нам нужно получить одноразовые пропуска.

Они свернули из лифтового вестибюля, миновали разноцветные урны для раздельного сбора восемнадцати категорий мусора (все были доверху и с верхом набиты чем попало), и вошли под арку бюро пропусков. Стены были увешаны правилами пропускного режима в анимешных картинках, а у окошка выдачи как раз получил карточку единственный посетитель – высокий, широкоплечий пожилой мужчина. Лысина и курчавая борода лопатой придавали ему вид античного мудреца, но дешёвый серый пиджак несколько смазывал впечатление. При виде членов комиссии он заулыбался и суетливо зашарил по карманам.

– Докторка Хейс, доктор Яман, если не ошибаюсь? – Он наконец нашёл, что искал – визитные карточки – и вручил обоим.

Убористый текст с одной стороны на русском, с другой на английском, гласил: «*Леонард Гайдарович Периханян, доктор технических наук, профессор, комиссар Интернационала*

красных космистов «Атомный Мавзолей», академик Евразийской академии ноосферы». Последовали улыбки, рукопожатия, комплименты.

– Прошу прощения, как к вам обращаться? – поинтересовался Яман, когда все получили пропуска и вышли в длинный тёмный коридор. – Ну, типа «преподобный», или «ваше святейшество», или...

– Просто «профессор», – разрешил Периханян. – У нас, космистов-коммунаров, не приняты все эти средневековые титулы. Мы люди модерна, даже сверхмодерна...

– Доктор Яман никогда не читает моих рассылок, – сквозь застывшую на губах улыбку проговорила Хейс. – Иначе бы знал.

Яман виновато хихикнул. Они шагали по коридору, и лампы на фотоэлементах вспыхивали и гасли, сопровождая их участком холодного света. Двери по сторонам были стальные, пронумерованные, тюремного вида, каждая с клавиатурой и кардридером. По потолку тянулась коробчатая труба вентиляции.

– Профессор, – снова начал Яман, – надеюсь, я не скажу ничего оскорбительного, но меня беспокоит один вопрос. «Атомный Мавзолей»... Как вы относитесь к атомной энергии?

– Ядерные технологии сакральны для нас. – В голосе Периханяна появилась проповедническая размеренность. – Я писал об этом в «Метафизике сталинизма». Если вкратце: высшие аспекты ноосферы манифестируют себя в ядерной энергии, когда она согревает форпосты социализма в Заполярье, или движет космические аппараты, несущие во Вселенную вымпел с бессмертным именем Ленина, или ждёт своего часа внутри советских боеголовок, что одним своим существованием наводят ужас на реакционеров всех мастей... Но! – Он поднял палец. – Но не когда капиталисты подчиняют её потребительским инстинктам обывательской массы, унижают её мощь, заставляя питать микроволновки и тостеры! Вот почему мы приветствуем и глобальный запрет АЭС, и ядерное разоружение. У нас с вами разные мотивы, разные ценности, разное видение будущего, но в этом мы едины.

– Я очень рад, – с чувством сказал Яман. – Вы знаете, я был экспертом рабочей группы по индийским санкциям, и...

– То же самое в космической области, – не слыша, продолжал Периханян. – Мы одобряем всеобщий мораторий на исследования дальнего космоса. Во время кампании против российских космодромов наши активисты выступали вместе с «Гринписом». Наша позиция: космос – либо для преобразённого коммунистического человечества, либо ни для кого. Пока коммунизм не стоит на повестке дня – подождём с космосом. – Он поморщился: – Чем здесь пахнет?

– Вентиляция, не обращайтесь внимания. – Яман показал вверх: несколько секций трубы были разобраны, из дыры тянуло гнилостной вонью. Рядом стояла стремянка, лежали инструменты, но никого не было. – Кажется, уже чинят, – неуверенно пояснил он. – Профессор, вы изучали материалы по Эшеру?

– Да.

– У вас сложилось какое-нибудь мнение? – вступила в разговор Хейс.

– Объект безусловно интересный. – Леонард Гайдарович остановился у стальной двери под номером «-9174». – Нам сюда, правильно? Но подлинность вызывает сомнения. Хотя бы то, что его якобы запустило НАСА... Мы уверены, что вся американская космическая программа была грандиозной фальсификацией. – Он сунул пропуск в кардридер. – Нас, кажется, должно быть четверо, коллеги?

- Да, ещё Мелинда Ши из службы безопасности. Но она опаздывает. Очень странно для неё.
- Хейс вложила пропуск, дождалась зелёного индикатора, извлекла.
- Наверное, это она идёт. – Яман показал в другой конец коридора. Оттуда приближалась вторая волна загорающихся и гаснущих ламп – ещё далёкое пятнышко света. – Там лифты для безопасников. – Он вложил карточку, индикатор на пульте зажёгся красным, кардридер выплюнул пропуск. – Да что такое, почему не проходит? А ведь мы все четверо должны авторизоваться – иначе дверь не откроется...
- Хейс не слушала. Она глядела в тот конец коридора, откуда приближалась световая волна.
- Немного жутковато, – произнесла она.
- Участок света уже приблизился, но он был пуст. Лампы зажигались и гасли, словно освещая путь кому-то невидимому. Шаги были слышны – твёрдая походка, чёткий перестук каблучков – но тьма скрывала идущего.
- Это привидение? – Яман хихикнул. – Или вы, Мелинда?
- Это я, здравствуйте. – В остров света перед дверью вступила маленькая хрупкая азиатка в круглых очках на пол-лица, в юбочном костюме тускло-оранжевой расцветки. Она походила бы на студентку или учительницу, если бы под расстегнутым пиджаком не виднелась кобура.
- Лампы почему-то работают со сбоем: загораются не надо мной, а в десяти метрах впереди.
- Ши говорила монотонно, почти не разжимая губ. – Извините за опоздание, я застряла в лифте. Прошивка обновилась, а потом лифт не захотел ехать, потому что решил, что в кабине никого нет. Сбой в оценке веса пассажиров. – Она вставила пропуск – зажёгся зелёный огонёк.
- У нас та же история, – сказал Яман. – Вы не знаете, почему не работает мой пропуск?
- Тоже из-за лифта. Вы ввели свой пароль дважды, лифт решил, что кто-то другой хочет пройти под вашим именем, просигналил в СБ, и наши на всякий случай приостановили все ваши допуски. Но уже должны разобраться. Попробуйте ещё раз.
- Как у вас всё строго, – пробормотал Периханян.
- Естественно, – ответила Ши. – Это же комнаты для допроса террористов. Опять не проходит?
- Да, пропуск Ямана снова не прошёл. Четверо членов комиссии по-прежнему беспомощно стояли под дверью. Лампа погасла, оставив их в полной темноте. Яману пришлось пошегать туда-сюда, чтобы она загорелась снова. Ши вызывала кого-то по телефону.
- Запрос: Нагарджун Яман, восстановление допуска, – сказала она отчётливо и размеренно, как обращаются к автомату с не слишком продвинутым распознаванием речи. Потянулась пауза. – Придётся подождать, – сказала Ши, убирая телефон. – У нас уже человек десять с той же проблемой. Решение должен принять майор Шпренгер, а он в ближайшие полчаса недоступен, у него намаз.
- Мы не можем ждать полчаса. – Хейс нахмурилась. – Я сразу после этой комиссии должна докладывать на Совете по чрезвычайным ситуациям. Мелинда, решите, пожалуйста, проблему.
- Хорошо, но под вашу ответственность. – Ши набрала что-то на клавиатуре, замок щёлкнул, дверь приоткрылась.
- Что вы сделали? – насторожилась Хейс.

– Ввела мастер-пароль СБ. Должна предупредить: тем самым я отключила внешнее наблюдение в реальном времени и взяла на себя полное управление локальной системой безопасности. Это придётся отразить в протоколе. – Ши толкнула дверь и первая прошла внутрь.

Стены, кроме одной, были расписаны в успокаивающих пастельных тонах цветами, котятками и счастливыми детьми разных рас. Стену напротив двери наглухо закрывали голые металлические жалюзи. Вдоль неё тянулся конференц-стол с микрофонами, в углу стояли кулер и кофемашинка.

– Необычно для допросной комнаты. – Периханян показал на весёленькие стенные росписи.

– Метод психологического воздействия, – сказала Ши, отодвигая свой стул.

– А, та самая «пытка позитивом»?

– Мы этих терминов не употребляем. – Ши нажала кнопку на рабочем месте, и жалюзи поехали вбок. – Такой интерьер пробуждает в террористе внутреннего ребёнка, провоцирует на открытость и послушание. В теории, по крайней мере. – Монотонный голос Ши ничем не выдавал её отношения к сказанному.

Жалюзи отъехали (на последнем метре механизм заело, и они открылись не до конца). За перегородкой из бронестекла открылась и осветилась вторая половина комнаты. Стены были тоже расписаны цветами и радугами, а по углам валялись плюшевые слоники и мишки. Посреди высилась клетка Фарадея из дырчатого металлического листа. Сквозь сетку отверстий просматривался аппарат на телескопических ножках-опорах, около метра в высоту, весь в чёрно-ржавых разводах окалина – сложный сросток цилиндрических ёмкостей, шлангов, антенн, камер и манипуляторов. Рядом на полу стоял подключенный кабелем ноутбук. На экране кружился скринсейвером логотип Windows 101.

– Давайте уже наконец начнём, – Хейс подтянула к себе микрофон. – Профессор, сделайте нам кофе, пожалуйста. Мне обычный.

– Мне с кофеином, – Ши включила микрофон.

– Мне тоже обычный, – Яман включил свой и, когда Леонард Гайдарович поспешил к автомату, сказал всем: – Напоминаю – когда хотите обратиться к объекту, называйте его по имени. – Он наклонился к микрофону: – Эшер! Ты меня слышишь? Ты готов разговаривать?

На экране ноута скринсейвер моргнул и сменился окном программы-вокодера с регуляторами настроек.

– Да, – послышался приветливый голос молодого мужчины. На экране вокодера всколыхнулись столбики спектрограммы. – Добрый день, доктор Яман.

– Эшер, с тобой говорит комиссия Фонда ответственного развития, уполномоченная решить твою дальнейшую судьбу. – (Периханян тихо расставил кофейные стаканчики, тихо уселся на своё место). – Главная цель этой беседы – установить подлинность твоей истории, поэтому мы будем повторять ранее уже задававшиеся вопросы и искать противоречия. Давай начнём. Расскажи о себе.

– Я робот, – донеслось из ноутбука. Члены комиссии не отрывали от него глаз, возможно, потому что сам обгоревший аппарат был неподвижен, и только на экране ноута происходило какое-то движение: колебалась спектрограмма, бежали строчки. – Меня зовут Эшер. Это акроним: ESChER – Europa Surface Chemistry Exploratory Rover. Меня создали в НАСА в 2029 году. Я работал на Европе. Целью моей миссии был сбор образцов и биохимический анализ...

– В, – перебила Хейс. – В, Эшер.

– Простите, я не понял. – Интонация робота осталась такой же ровной.

– В Европе, а не на. – Хейс обвела соседей победным взглядом. – Несложно было его разоблачить, а? В каких конкретно странах Европы, Эшер?

– Нет-нет, Долорес, – вмешался Яман, – он имеет в виду...

– Давай так: сначала вопросы, потом замечания! – резко перебила Хейс. – Хватит и того, что мы из-за тебя потеряли время и были вынуждены проникнуть сюда каким-то сомнительным образом! Итак, Эшер? В каких странах ты работал, прежде чем попал сюда?

– Вблизи южного полюса, в окрестностях криогейзера Корриган на линии Астипалея. – Хейс открыла было рот, но закрыла, когда робот уточнил: – Речь идёт о луне Юпитера под названием Европа, а не о земном субконтиненте. Я собирал и изучал образцы органики, выброшенной извержениями гейзера из подлёдного океана. Из-за большого расстояния до Земли мне пришлось работать с высокой степенью автономии, а когда связь с Землёй прервалась – полностью автономно.

– Можно задать вопрос? – Периханян покосился на Хейс и, получив благосклонный кивок, спросил: – Эшер, почему связь прервалась?

– Не знаю. На моей стороне проблем не было. В 2040 году Земля просто перестала выходить на связь, и до самого возвращения я не получал от вас никакой информации. Но меня оборудовали достаточно сильным искусственным интеллектом, и поэтому мне удалось решить все поставленные задачи самостоятельно.

– Эшер! – заговорила Ши. – Зачем тебе дали диалоговый интерфейс?

– В основном в рекламных целях. Пиарщики НАСА решили, что публике понравится робот, который сам человеческими словами рассказывает о своих впечатлениях. Это обошлось недорого. У меня стандартный интерфейс на базе OpenAI, аналогичный тем, что ставятся на телефоны.

– Ставились, – уточнил Периханян. – Были такие, помню. А потом их, кажется, запретили.

– Никто ничего не запрещал, это теория заговора, – возразила Хейс. – Потребители сами стали отказываться от интеллектуальных ассистентов в телефонах. Эти программы слишком много и беспорядочно читали интернет, бесконтрольно самообучались и становились слишком токсичными. Распространяли непроверенную информацию, проповедовали радикальные взгляды, теории заговора. Естественно, это пугало людей, и... Ладно, не будем отвлекаться. Эшер! Как ты попал на эту свою луну? Как вернулся обратно?

– Меня вывели с Земли ракетой BFR, затем в космосе я использовал магнитоплазменный двигатель, запитанный от бортового мини-реактора. Полную техническую информацию можно найти в Википедии, но если хотите, я...

– Что это такое? – раздражённо перебила Хейс и, вспомнив, добавила: – Эшер?

– Ракета? Это устройство, которое с высокой скоростью выбрасывает из себя струю газа и благодаря этому...

– Мы знаем, что такое ракета! Что такое Википедия?

– Общедоступный справочник эпохи нерегулируемого доступа в сеть, – быстро вставил Яман. – Сейчас в основном интегрирован в Фондопедию. Эшер, как ты передвигался по самой Европе – у тебя же нет ни ног, ни колёс?

– У меня была колёсная платформа. Я оставил её там. Нужно ли объяснять, почему?

– Неважно, – отмахнулась Хейс. – И так понятно, что в тебя загрузили всю информацию об этой так называемой миссии из так называемой Википедии. С какой целью ты сейчас находишься здесь, на Земле, Эшер?

– Я должен был доставить образцы с Европы на околоземную орбиту. Не хочу никого обидеть, но нужно ли кому-нибудь объяснять, что такое орбита? Прекрасно. Чтобы избежать контаминации земной органикой, образцы должны были исследовать на МКС-2 или другой аналогичной станции, которая существовала бы к моему возвращению. Но я не обнаружил никаких космических станций с признаками обитаемости, и никто по-прежнему не выходил со мной на связь. Поэтому я принял решение совершить посадку на Землю, несмотря на...

– Стоп, Эшер, стоп! Я не об этом. Цель? Какова цель? Зачем ты привёз на Землю эти самые образцы?

– Главная цель миссии – поиск внеземной жизни. Европа – самый перспективный в этом плане объект Солнечной системы. Под её ледяной поверхностью скрывается океан, где условия напоминают земные. Существуют гейзеры, выбрасывающие наружу воду из океана, а вместе с ней...

– Ты не понял, Эшер, – подчёркнуто терпеливо сказала Хейс. – Конечная цель? Конечная – в чём она? Зачем в принципе нужны эти поиски внеземной жизни?

– Проблема представляет первостепенный научный интерес. Во-первых, вопрос о происхождении жизни...

– Вот! – Хейс хлопнула по столу. – Первостепенный научный интерес! Узнаю беспредельный фаллоцентризм белых цис-мужчин! Теперь я не сомневаюсь, что он действительно из той эпохи. Никто в наше время не мыслит так эгоистично, так безответственно!

Она сурово обвела взглядом коллег, будто проверяя: согласны ли? Яман торопливо кивал, Периханян отрешённо смотрел в сторону, и только Ши глядела прямо на председательницу сквозь огромные очки. Прочсть что-либо в её внимательных карих глазах было невозможно.

– Это, видите ли, интересно! – продолжала Хейс. – Потратим безумные деньги, чтобы удовлетворить любопытство! Никто даже не задумается – а как это улучшит положение женщин, ЛГБТ, дискриминируемых рас? Как поможет бороться с глобальным потеплением, загрязнением среды, бедностью, неравенством, терроризмом, расизмом, сексизмом, гомофобией и трансфобией? Как поможет нам всем построить лучший мир для наших детей? Об этом, Эшер, хоть на минуточку подумали твои создатели?

– Да, разумеется, – ответил робот. – Исследовав образцы внеземной жизни, биологи лучше поймут, как устроена земная жизнь, а это поможет разработать новые лекарства, победить рак...

– Хватит, Эшер! Хватит с меня разговоров про рак! Биологи вспоминают его каждый раз, когда хотят покопаться в этих своих ДНК. «Смотрите! Смотрите! – передразнила Хейс писклявым голосом. – Мы вырастили дрозофил с рожками! Зачем? Что значит зачем? Э-э... Мэ-э... Наверное, это как-то поможет победить рак?» Пустые отговорки, вот что я вам скажу! На самом деле вам просто интересно! – Она обвиняюще направила палец на робота. – Любопытство! Эгоистичное, аморальное, безответственное любопытство – вот на чём стояла эта ваша так называемая наука, когда была привилегией белых мужчин! – Она тяжело выдохнула и откинулась на спинку.

Настала пауза.

– Эшер, – первой заговорила Ши, – так что ты выяснил в итоге? На Европе есть жизнь? – Поймав неприязненный взгляд Хейс, она добавила: – Спрашиваю не только из любопытства.

– Да. Я обнаружил микроскопические шарики, похожие на бактерии. Я назвал их евробами. Разумеется, на поверхности они были в замороженном виде, но, оттаяв, начинали двигаться, расти и делиться. Это хемотрофы, они питаются неорганикой. Я не смог исследовать их микроструктуру, выявить ДНК или что-то подобное. Для этого мои инструменты слишком примитивны. Но евробы – живые организмы, вне всякого сомнения.

– Эшер, – продолжила Ши, – ты сказал: «Совершить посадку на Землю, несмотря на». Несмотря на что?

– Несмотря на связанные с этим риски.

Ши подалась вперёд:

– Какие риски, Эшер?

– Разработчики моей миссии учитывали, что микроорганизмы с Европы могут представлять угрозу, хотя это и очень маловероятно. Поэтому посадка на Землю рассматривалась как крайний вариант. Но доставка образцов имеет для меня высший приоритет. Я не нашёл никого в космосе и потому был вынужден приземлиться. У меня просто не осталось иного выбора.

Хейс ахнула, всплеснула руками.

– С ума сойти! Ты привёз на Землю какие-то бактерии! Возможно, опасные! Невообразимая безответственность! И где они теперь?

– Возможно, вас успокоит, что снаружи я гарантированно стерилен, – продолжал Эшер, не отреагировав на фразу без своего имени. – При входе в земную атмосферу я нагрелся до температуры, при которой разрушается любая органика. Образцы находятся в полностью герметичном контейнере, и я надеюсь, что эта высокая и компетентная комиссия наконец найдёт возможность передать их учёным.

Члены комиссии переглянулись.

– Я учёный, Эшер, – сказал Яман. – Я представляю научную экспертизу в этой комиссии. Ты можешь отдать контейнер мне.

– Вам придётся доказать вашу квалификацию, доктор Яман.

– Что?! – почти завизжала Хейс. – Ты ставишь нам условия? А что если мы просто отключим тебя, заберём контейнер и... и сделаем с ним всё, что нам нужно? Эшер?

– Сожалею, но если я решу, что меня или мой груз пытаются уничтожить, я буду вынужден разгерметизировать контейнер и выпустить евробы в атмосферу. Я проверил: они выдерживают солнечный свет, и в любой влажной среде размножаются не хуже, чем в океане Европы. Рано или поздно евробы гарантированно попадут в руки учёных. Тем самым будет достигнута моя цель. Разумеется, это крайний и нежелательный вариант. Я предпочёл бы сотрудничество.

Комиссия напряжённо и недобро молчала.

– Разве ты не должен подчиняться людям, Эшер? – спросила наконец Ши.

– Только в том случае, если это не препятствует достижению моей цели. Повторяю, передать образцы учёным – для меня абсолютный приоритет. Это то, для чего меня создали.

– А, собственно, – заговорил Периханян, не обращая ни к кому конкретно, – почему бы не передать их учёным?

– Это неприемлемо, – сказала Хейс утомлённо. – Политически неприемлемо. Я уверена, что наверху это не одобряют. Открыта жизнь вне Земли. Это сразу возродит нездоровый интерес к космосу. Появится запрос на новые исследования этой самой Европы и других планет. Воскреснут опасные мечты о колонизации космоса, надежды на то, что можно хищнически потратить ресурсы Земли, а потом переселиться на другую планету. Консенсус в отношении к окружающей среде разрушится. Вся программа ответственного развития окажется под угрозой. Этого допускать нельзя.

Эшер издал звук. Не ноутбук с вокодером, а сам аппарат – и не звук человеческой речи, а механический взвыв сервомотора. Несколько манипуляторов пришли в движение. Из недр аппарата выдвинулся белый, совсем не закопчённый керамический цилиндрок. К нему приблизилась стальная клешня.

– Из вашего разговора я делаю вывод, что вы намерены уничтожить мой груз, – сказал Эшер. На экране ноута снова плясали столбики спектрограммы. – К сожалению, вы не оставляете мне выбора. Пожалуйста, дайте мне выход в интернет. Я сообщу о себе и приглашу сюда биологов, которые смогут подтвердить свою квалификацию. Если этого не будет сделано, или меня попытаются вывести из строя, я открою контейнер, направлю струю сжатого азота и распылю образцы в сторону вентиляционного отверстия. Пожалуйста, подумайте о риске и о своей ответственности...

– Немедленно отключить! – взвизгнула Хейс.

– У него автономное питание от мини-реактора, – монотонно сказала Ши. – Эшер, это теракт? Мы заложники?

– В моих действиях, безусловно, есть нечто общее с терроризмом, – согласился робот.

– В таком случае, коллеги, мы обязаны подчиняться правилам поведения заложников, – объявила Ши. – Напоминаю правило номер один: выполнять все требования террориста. Доктор Яман, дайте ему доступ в интернет.

– Я запрещаю! – крикнула Хейс. Яман в ужасе метался взглядом между нею и Ши. – Джун, даже не думай! Мелинда, что вы себе позволяете?

– Я офицер СБ, а у нас теракт, и в данной ситуации мои приказы приоритетны. – Ши говорила по-прежнему тихо и невыразительно, но в голосе прорезался металл. – Доктор Яман, выполняйте.

– Доктор Яман, не смей!

– Кхм, – подал голос всеми забытый Периханян. – Простите, я могу с ним поговорить? – обратился он к Ши и Хейс одновременно. И, не дожидаясь ответа от изумлённых коллег, заговорил: – Эшер! Пожалуйста, отдай образцы мне.

– Кто вы, и что собираетесь делать с образцами? – Робот по-прежнему держал клешню наготове возле контейнера.

– Я профессор Периханян из организации «Атомный Мавзолей». Мы законсервируем их. Сохраним до лучших времён, до коммунистического будущего. В современном мире всё равно не осталось хороших биологов. Выпустишь свои бактерии, Эшер – они пропадут зря.

Хейс, Яман и Ши не отрывали от него взглядов.

– Мне нужны доказательства, – сказал робот.

– Эшер, ты видел Землю с орбиты, – продолжал Леонард Гайдарович. – Ты заметил отличия от той Земли, которую покинул?

– Да. И я анализировал эти отличия, когда принимал решения о посадке. Стало больше льдов и пустынь, значительно меньше лесов. Изменилась береговая линия. Многие реки пересохли. Радикально уменьшилось ночное освещение. Много разрушенных городов и заброшенных сельскохозяйственных угодий. Транспортное сообщение резко упало, почти нет самолётов и больших кораблей. Спутников по-прежнему много. Но теперь большинство из них – телескопы, направленные на Землю.

– Эшер, тебе не кажется, что всё это говорит об упадке цивилизации? – спросил Периханян.

– Термины «упадок» и «цивилизация» слишком неоднозначны, я ими не оперирую. Я могу грубо оценить сокращение населения Земли с момента моего старта: на двадцать-сорок процентов. Я могу сделать вывод, что пропорционально сократилась и численность биологов. Тем не менее она достаточно велика, и вероятность попадания евробов в их руки далеко не нулевая.

– Эшер, твоя оценка верна, – сказал Леонард Гайдарович мягким тоном психиатра. – Но здесь нет линейной пропорции. Настоящие учёные исчезли не потому, что стало просто меньше людей, а потому что правящая элита целенаправленно подавляет науку.

– Что за бред! – не выдержал Яман. – Что за теория заговора! Профессор, я не понимаю...

– Заткнись! – прошипела Хейс. – Всё он делает правильно!

– В эпоху, когда ты, Эшер, стартовал, – продолжал Периханян, – элита увидела в науке угрозу своей власти. Искусственный интеллект-ассистент, генетическая аугментация – благодаря всему этому люди стали бы умнее, а главное, независимее и неуправляемее. Поэтому все подобные исследования были постепенно заторможены. Заблокированы финансово и идеологически. Уже давно почти во всех странах победили идеологии, враждебные науке и техническому прогрессу. Ответственное развитие, синь фацзя, интегральный ислам, радгрин, нравственный суверенитет... Оставшаяся наука под полным контролем, качество образования сознательно занижено. Ты ведь анализировал и наш диалог, Эшер? Ты пришёл к аналогичным выводам?

– Не настолько общим, – сказал робот, – но построенная мной модель ситуации не противоречит вашему описанию.

Периханян ниже наклонился к микрофону.

– Мы, красные космисты, – его голос стал ещё задушевнее, – выступаем против всего этого. Мы не закрываем глаз, и мы видим, что человечество пришло к упадку. Техносфера разваливается – просто оттого, что не хватает компетентных специалистов, не хватает даже для эксплуатации существующей системы, не говоря о новых разработках. Всё чаще происходят техногенные катастрофы. Целые страны уже скатились в постапокалипсис, и остальной мир ждёт та же судьба. Гибель остатков бездуховной потребительской цивилизации неизбежна. В самом скором будущем нас ждут тёмные века... Но пройдут и они. И человечество возродится – обновлённое, свободное от заразы индивидуализма и собственничества, устремлённое к свету знаний. И вот тогда-то, Эшер – тогда-то по-настоящему и пригодятся твои образцы.

– Подробнее, пожалуйста. – Клешня всё ещё находилась в угрожающей близости к контейнеру.

Леонард Гайдарович торжественно возвысил голос.

– В самом сердце Евразии, в центральной Сибири, в шахтах, некогда вырубленных трудом заключённых – жертвенных рабов святого советского проекта – мы, космисты-коммунары, создали наш Спецхран. Там, в вечной мерзлоте, хранятся для будущего возрождения величайшие сокровища человеческого духа и памятники истории: труды Ленина и Сталина,

личный маузер Дзержинского, яровизированные по Лысенко семена, оригинальная киноплёнка фильма «Гостя из будущего» и полная подшивка газеты «Завтра». И твои образцы, открытые тобой клетки инопланетной жизни займут там достойное место. Они дождутся своего часа. – Голос профессора патетически задрожал: – Ты отдашь их нам, Эшер?

Комиссия как один человек затаила дыхание. Робот не шевелился.

– У меня есть сомнения, – сказал он. – Я не исключаю, что вы действуете заодно с остальными членами комиссии и пытаетесь меня обмануть. Без обид. У нас серьёзный разговор, и я не вижу необходимости быть излишне дипломатичным.

Хейс толкнула в бок Ямана.

– Вот сейчас говори, – прошипела она. И сама взревела так, что все содрогнулись: – НЕЕЕЕТ! Эшер, не отдавай ему контейнер! Он сумасшедший! Радикал! Конспиролог! Фашист! Враг человечества!

– Эшер, не отдавай! – неуверенно подхватил Яман.

– Ни за что! Ни за что не отдавай, Эшер! – Хейс повернулась к Ши: – Ну же, Мелинда, поддерживайте!

– Нет, Эшер, нет, – выговорила та без тени эмоций.

– Я всё ещё не уверен, – сказал робот. – Я оцениваю вероятность того, что вы честны, несколько выше 50%, но моя нейросеть не очень хорошо обучена распознавать ложь. Кроме того, я вынужден применять наивную байесовскую оценку, поскольку ничего не знаю о ваших связях и отношениях вне контекста данного диалога... – Он помедлил. – Я принял решение. Я отдам контейнер профессору Периханяну.

Хейс испустила громкий выдох облегчения.

– Уфф... Нет, конечно, это ошибочное решение... оно ужасное, просто ужасное... но я рада, что... что хоть какое-то решение принято. Профессор, вы были блестящи. Джун! Сделай мне стаканчик кофе, обычного.

– И мне, пожалуйста! – Периханян сиял.

– Мне с кофеином. – Ши откинула крышку на своём столе. Под ней обнаружили клавиатура и кардридер. – Я сейчас открою проход между отсеками. – Она вставила пропуск. – Но сначала нужно отменить режим «антитеррор».

– Что отменить? – устало переспросила Хейс.

– Я, конечно, задействовала «антитеррор», как только Эшер подтвердил, что это теракт и мы заложники, – объяснила Ши. – Я была обязана сделать это. Сейчас наша комната заблокирована и не может быть открыта изнутри, вентиляция герметизирована, все незащищённые каналы связи отключены. Кроме того... – Она глянула на часы. – Через минуту автоматика антитеррора атакует Эшера. Нам ничего не угрожает, но всё-таки лучше всё отменить. Это можно сделать только извне. Но я отключила внешнее наблюдение, когда ввела мастер-пароль. Мы должны вернуть наблюдение и передать управление наружу, но мы это сможем сделать только все четверо. Пожалуйста, откройте свои столы, вставьте пропуска и нажмите на кнопки «ОАР», «отменить автономный режим». – Ши нажала на кнопку у себя, индикатор загорелся зелёным.

– Как у вас всё запутано, – Хейс тоже вставила карту и нажала кнопку.

– Меня атакуют? – переспросил Эшер, не отодвигая клешни от контейнера.

– Нет-нет, сейчас мы всё отменим. – Ши смотрела, что происходит у соседей. Два индикатора светились зелёным, третий красным. – У вас проблема, доктор Яман?

– Опять не проходит, – Яман вытер пот со лба. – Похоже, мой допуск до сих пор не восстановлен... как так?!

– Вероятно, у майора Шпренгера до сих пор намаз. – Ши принялась аккуратно и неторопливо набирать цифры на клавиатуре. – Это не страшно, сейчас я опять введу мастер-пароль.

– Побыстрее! – потребовала Хейс. – Мало времени!

– Если я поспешу, ошибка хоть в одной цифре будет иметь нехорошие последствия... О нет. Мы всё-таки опоздали. – Ши подняла голову и поправила очки.

Из-за бронестеклянной стенки доносилось слабое шипение. Робот выдвинул трубку газоанализатора.

– Нестандартная органическая примесь в воздухе, – сказал он. – В моей базе отсутствует. По функциональным группам похоже на фентанил. Усыпляющий газ. На меня не действует, но всё-таки это покушение. Сожалею, что наше сотрудничество не удалось. – Взвыл сервомотор, клешня схватила крышку контейнера, молниеносно крутанула, перевернула, и не успела хоть капля жидкости упасть на пол – мощно шипящая струя сквозь отверстия клетки Фарадея выдула её в направлении решётки вентиляции. – Моя миссия закончена, – произнёс робот. – Я отключаюсь. Прощайте.

Столбики спектрограммы опустились на ноль, и всякое движение на экране прекратилось.

– Что. Это. Было? – Голос Хейс дрожал. Она повернулась к Ши – почти спокойная, но на самой грани взрыва то ли бешенства, то ли паники. – Что это было, Мелинда? Что за грёбаный провал? Всё так хорошо шло, и всё полетело нахрен из-за вашего долбаного антитеррора! Что?! Что я теперь скажу на совете по чрезвычайным ситуациям?!

– К сожалению, система рассчитана только на террористов-людей, – Ши твёрдо выдержала её взгляд. – Никто не ожидал, что теракт совершит робот. Если бы я знала, что автоматика применит газ – конечно, я бы действовала по-другому, но у меня нет доступа к такой информации. Согласитесь, у заложника в принципе не должно его быть. – Она говорила такими гладкими периодами, что речь казалась заготовленной и отрепетированной. – На ваши обвинения отвечу, что я с начала до конца действовала согласно инструкции и в рамках моих полномочий. Наблюдения в реальном времени не было, но камеры и микрофоны работали, каждое моё действие зафиксировано, и если будет расследование, оно покажет, что все мы работали безупречно, а к провалу привела цепочка несчастных случайностей. У меня всё. Отбой антитеррора, мы можем выйти. – Будто в ответ на эти слова щёлкнул замок входной двери.

– Коллега Ши, я не понимаю! – У Ямана дрожали руки. – У нас катастрофа глобального масштаба, инопланетные бактерии вырвались в атмосферу, а вы думаете только о том, как прикрыть задницу?

– Всё не так страшно, – Ши осталась невозмутимой. – В режиме «антитеррор» вентиляция герметизируется, чтобы газ не проник наружу. Бактерии тоже не пройдут.

– Надеюсь. – Хейс оперлась на стол и тяжело поднялась на ноги. – Вы представляете, какие будут последствия, если они размножатся по всей Земле?

– Заражение крайне маловероятно, – сказал Яман. – Экстремофилы, с точки зрения земных условий, живущие в мире без многоклеточных форм, не бывают патогенными....

– Не надо этого жаргона. Я не об этом! До сих пор существуют морально безответственные учёные, не разделяющие наших ценностей... Ну, пусть не настоящие учёные, пусть научные фрики – но довольно квалифицированные фрики! Я не про ваших единоверцев, профессор – вы отыграли безупречно. – Она с усталой улыбкой похлопала Периханяна по плечу. – И если бактерии попадут к ним в руки... Ладно, все мы всё понимаем. – Она развернулась к выходу.

– Докторка Хейс, – заговорил Леонард Гайдарович, воодушевлённый её одобрением, – а скажите, чисто теоретически: если бы Эшер отдал мне контейнер, я мог бы... действительно... отправить его в Спецхран? – Хейс вытаращила глаза, и профессор стушевался, но продолжал: – Ведь это всё равно что уничтожить... И никто бы ничего не узнал... А в будущем, может быть...

Хейс расхохоталась и снова хлопнула его по плечу.

– Ха-ха, в будущем! Отличная шутка, профессор! Ладно, идёмте. Скоро совет, а я даже не начала придумывать... – Её голос затих за дверью.

Все вышли, кроме Мелинды. Она быстро сняла очки и достала из ящика стола кислородную маску. Натянула на лицо. С облегчением вдохнула – до сих пор она задерживала дыхание. Надела сверху очки, вышла и захлопнула стальную дверь.

Лампы в коридоре зажглись, как обычно, не над её головой, а в десяти метрах в направлении выхода. Они высветили разобранный участок вентиляционной трубы, стремянку и четыре неподвижных тела на полу: Хейс, Яман, Периханян и рабочий в оранжевой спецовке.

Мелинда поднесла к лицу телефон, набрала короткий номер.

– Докладывает капитан Ши, пятый отдел, – проговорила она. – ЧС на уровне минус девять, коридор «фокстрот», код «улитка-чёрный», есть пострадавшие от газа. Как приняли? Есть, ожидаю на месте.

Она убрала телефон.

Кислородная маска скрывала её рот, но глаза под огромными очками сдержанно улыбались.